

А. Л. ЯКОБСОН. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОНЕС.

Очерки истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 63.

Академия наук СССР. М.—Л., 1959, 364 стр., 187 рис. в тексте, 21 таблица.

Вопросы истории византийских городов последнее время все больше привлекают внимание как советских, так и зарубежных исследователей. В большинстве случаев это, правда, небольшие статьи, посвященные преимущественно наиболее темной поре в жизни города, времени его захирения, упадка — VII—VIII вв. В этом плане недавно вышедшая работа А. Л. Якобсона стоит в известной мере особняком, не только из-за того, что ее автор работает не над письменными, а над археологическими источниками, но также и потому, что тема ее значительно шире и охватывает длительный период в жизни города — с V по X в.

Труд А. Л. Якобсона представляет собой объемистый том, богато иллюстрированный — планами, чертежами, фотографиями, рисунками и таблицами, в том числе двумя цветными, и состоит из восьми глав, различных по своим размерам, задачам и содержанию: Очерк истории Херсона V—X вв. Крепостные стены. Монументальная архитектура. Мозаичные полы. Некрополь. Жилые кварталы. Ремесло. Художественная культура. Введение и заключение.

Рассматриваемый том неразрывно связан с уже опубликованным трудом А. Л. Якобсона, посвященным последующему периоду в жизни города («Средневековый Херсонес. XII—XIV вв.», МИА, № 17. М.—Л., 1950) и составляет с ним, по замыслу автора, одно целое, объединенное единой исторической концепцией. Связан он с ним, кроме того, и конструктивно. Как и первый, он открывается историческим очерком, которому, правда, в отличие от предыдущего, предпослано во введении изложение истории раскопок, характеристика их методики и состояния добытого материала. Как и в первом томе, историческая глава представляет собой очерк преимущественно внешнеполитической истории города, в данном случае с V до X в. включительно. Основана она главным образом на письменных источниках, но, как указывает автор, скорректированных вещественными материалами, лежащими в основе исследования. Следующие за исторической частью главы располагаются, как подчеркивает автор, в определенной хронологической и смысловой последовательности, несколько отличной в силу самого характера и состояния материала от предыдущего тома. Главы II—V (Крепостные стены, Монументальная архитектура, Мозаичные полы и Некрополь) охватывают в основном раннее средневековье — V—VI, отчасти VII в.; главы VI—VIII (Жилые кварталы, Ремесло и Художественная культура) относятся преимущественно к IX—X вв.

Оба вышедших тома должны, по замыслу автора, составить «единую монографию» «Средневековый Херсонес», посвященную истории города, «преимущественно истории его материальной культуры, рассматриваемой по возможности на широком фоне истории всего Северного Причерноморья» (стр. 5).

Несомненной и большой заслугой А. Л. Якобсона является то, что он, десятилетиями работающий над исследованиями средневекового Херсона, Юго-Западного Крыма и Таврики в целом, взял на себя труд, во многом тяжелый, сложный и неблагодарный, обобщить и подытожить многолетние исследования Херсона, идя от более известного и лучше археологически представленного позднего периода в жизни города вглубь — в раннее

и зрелое средневековье. Состояние вещественного материала, особенно для раннесредневекового периода, в целом очень неблагоприятно, несмотря на то, что территория городища вскрыта не менее чем на треть (т. е. на таком большом пространстве, на каком вряд ли вскрыт любой из средневековых городов Византии, Востока или Запада). Материалы, добытые старыми, дореволюционными раскопками, когда основное внимание археологов привлекали античные слои города, большей частью не паспортизованы, стратиграфия слоев не уточнена, фиксация находок отсутствует, почему комплексы (в том числе и погребальные) трудно или почти не восстанавливаемы. Жилые комплексы раннесредневекового Херсона разрушены или вовсе уничтожены последующим городским строительством. Богато и полно представлены, наоборот, храмовая архитектура, отчасти крепостное строительство. Лучше, разумеется, обстоит дело в отношении стратиграфии слоев и фиксации находок с раскопками советского периода, но и здесь массовый раннесредневековый материал очень недостаточен. Все это делает почти невозможной п о л н о т у раскрытия и показа жизни города в этот период — его экономики, социального лица и этнографического облика.

Нельзя, разумеется, забывать также и другого. У каждого специалиста (исключения редки) неизбежен ярко выраженный уклон, определенный, так сказать, профиль, что, естественно, не может не сказаться на направленности самого исследования и что в известной мере сказалось и на построении, и на неравномерности отдельных разделов уже ранее опубликованного тома (на это указывали автору его рецензенты). Этот уклон отчетливо чувствуется и в настоящем томе, в котором автор выступает в двух своих аспектах — как историк архитектуры и как керамист, в полной мере владеющий материалом, литературой предмета и мастерством обработки. Огромной заслугой А. Л. Якобсона является кропотливое собрание материалов, тщательное и весьма убедительное исследование архитектурных памятников и их декоративного убранства (в том числе и мозаичных полов), керамики (амфорной тары, строительных черепиц и поливной посуды), а также раскрытие керамического производства и форм. В то же время другим сторонам жизни города и его культуры — этнографический облик населения, его быт и археологически связанные с ним материалы, предметы повседневного обихода, украшения, орудия производства и т. п. (особенно раннего, переходного от античности к средневековью периода) — автор уделил меньше внимания. Отсюда некоторая диспропорция в объеме отдельных разделов и в степени их разработки.

Историческая концепция автора в общем не вызывает возражений. Правильной представляется и периодизация истории Херсона: V—VI вв. — раннее средневековье, период расцвета города; VII—VIII вв. — время захирения, упадка в жизни города, период натурализации, феодализации; IX—X вв. — период нового подъема города. Периодизация эта, правда, требует некоторых уточнений, которые, впрочем, делаются самим автором не в подзаголовках глав, а в тексте, где это членение уточнено следующим образом: I период охватывает время со второй половины или конца V в. до начала или даже первой половины VII в.; II — вторую половину VII в. — первую половину IX в., наконец, III (последний) период, — вторую половину IX и X в.

Несомненным представляется и вывод автора о том, что раннесредневековый Херсон не был по существу ремесленным центром. Вывод этот сформулирован, правда, с чрезмерной осторожностью: «Можно сомневаться, стал ли Херсон в V—VI вв. ремесленным центром. По крайней мере наличный археологический материал не содержит в этом отношении ничего

определенного» (стр. 360). Правильно ставится А. Л. Якобсоном вопрос о роли Византии в отношении крепостного строительства — как в самом Херсоне, так и в Таврике вообще, особенно в ее юго-западном нагорье, что встречало и встречает возражения в нашей археологической литературе (Е. В. Веймарн и др.), равно как и в вопросе о насаждении христианства, как дополняющего господство военной силы идеологического воздействия на местное население Таврики. Вряд ли может вызвать сомнение и определение раннесредневекового Херсона как военно-политического форпоста Византии в Северном Причерноморье, и то, что зависимость от Византии была преимущественно основана на политическом господстве последней, опиравшемся на военную силу. Убедительными представляются и те причины, которые обусловили, по мнению автора, глубокий упадок, угасание города во второй половине VII—первой половине IX в.: нашествие хазар, общий упадок городской жизни в самой Византии и как общая и основная причина — формирование феодальных отношений. Что касается более позднего периода (IX—X вв.), когда Херсон снова оказался под властью Византии, то он, оставаясь административно-политическим центром и рассадником христианства и византийской культуры, был, по словам автора, и центром крупной транзитной торговли. Положение это, утверждавшееся автором и в ранее опубликованном томе, хотя по существу и не вызывает серьезных возражений, конкретно не раскрывается и поэтому остается недоказанным. Думается, что А. Л. Якобсон несколько переоценивает роль печенегов в развитии северночерноморско-малоазиатской транзитной торговли: он слишком доверяет в этом вопросе¹ и в оценке их военной роли (печенежские разгромы Таврики)² Константину Багрянородному. Но, преувеличивая торговое значение Херсона, А. Л. Якобсон в общем правильно оценивает степень развития его ремесла в IX—X вв., говоря (и это показывает археологический материал), что оно не занимало заметного места в жизни города: «Как видно ремесло вряд ли господствовало в экономике города» (стр. 361). «Больше всего здесь был развит рыболовческий промысел: каждый херсонец был рыбаком» (там же), причем в основном рыбаком для себя, а не на вывоз. Некоторое удивление вызывает поэтому итоговая оценка автором значения Херсона в X в.: «Снова византийская крепость и снова людный город, город торговый и полуремесленный, где вели торг свой печенежские и заморские, а может быть, и русские купцы, куда приезжали (?—М. Т.) греческие корабли из Малой Азии, привозя продовольствие и увозя шкуры и меха³, велась торговля и с византийской столицей, откуда, в частности, привозились многочисленные изделия художественного ремесла (имеется в виду белоглиняная поливная керамика. — М. Т.). Город IX—X вв. продолжал оставаться очагом христианизации окружающего аланского населения. . . Таким нам представляется Херсон в X в. — большой средневековый город Восточной Европы» (стр. 361—362). С последней мыслью вряд ли можно согласиться. Ведь и в плане социально-экономическом Херсон не был, как отчетливо показывает всем своим исследованием автор, типичным средневековым городом. К тому же этот город — не столько восточноевропейский, сколько в основном византийский, и в этом аспекте вряд ли может быть назван большим; да и за пределами Византии, на рубежах Восточной Европы и Азии — в Закавказье, в Армении

¹ М. В. Левченко. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. ВВ, VI, 1953, стр. 24.

² Ср. В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма, СА, XXVIII, 1958, стр. 217.

³ Явная ошибка, — имеется, очевидно, в виду воск. Ср. стр. 59 — текст Константина Багрянородного.

и Грузии — в это время известны действительно большие города и притом ремесленные центры.

Что касается конструкции труда А. Л. Якобсона, то ее как в целом, так и в частностях (полнота содержания, состав и распределение глав, их внутреннее построение — во всяком случае некоторых из них) вряд ли можно признать достаточно удачной.

При изучении любого средневекового города должны быть рассмотрены все основные его элементы — население, этнический и социальный состав, ремесло, сельское хозяйство, составляющее неотъемлемую часть жизни каждого средневекового города, торговля, жилые кварталы, оборонительные сооружения и оружие, памятники архитектуры, быт городского населения (предметы повседневного обихода и украшения, наиболее ярко выступающие в городских некрополях), культура. Археологический материал Херсона V—X вв., при всей его ограниченности, в сочетании с письменными источниками (правда, еще более скудными) дает все же возможность осветить ряд сторон жизни города, свести во всяком случае воедино сведения, разбросанные в письменных источниках, и использовать возможно полно вещественный материал. Этого автор не сделал в полной мере, ограничившись в отношении торговли, сельского хозяйства, домашних промыслов и состава населения беглыми упоминаниями, и тем самым обеднил картину жизни города, не дав читателю сколько-нибудь отчетливого представления об этих сторонах городской жизни. Между тем это было в его силах. Отсутствие специальных глав о населении города, его торговле и сельском хозяйстве — безусловный минус исследования, тем более, если подходить к нему с той меркой, с которой подходит сам автор, поставивший своей целью дать «монографию о средневековом Херсонесе» (стр. 5), «развернутую (sic!) историю Херсона в V—X вв.» (стр. 359).

Распределение имеющихся глав также представляется не вполне удачным. «Очерк истории Херсона V—X вв.» должен был не открывать работу, а, наоборот, ее заключать, дабы, излагая исторические судьбы Херсона и Таврики в целом, можно было использовать результаты проведенных перед читателем исследований отдельных сторон материальной культуры города, разработанных на основе археологического материала. Это дало бы ответ, значительно более обоснованный и аргументированный, и на некоторые вопросы экономики города, и на основной вопрос, чем же был Херсон и в раннем средневековье, и в IX—X вв.

Начав же свое исследование с изложения исторических судеб города, основанное на данных письменных источников, которые, вопреки утверждению автора, слабо скорректированы вещественными материалами (такое корректирование чрезвычайно незначительно), автор взял тем самым на себя ряд обязательств, которых он в дальнейшем не выполнил.

Лучшим доказательством неправомерности того, что книга открывается историческим очерком, является те противоречия, в которые впадает сам автор в оценке роли города, его ремесла и торговли, в частности в отношении сельскохозяйственной округи Херсона в Юго-Западной Таврике. В историческом очерке торговля, а особенно ремесло, выступают в сильно-гиперболизированном виде. Создается впечатление, будто ремесленными изделиями, во всяком случае в IX—X вв., Херсон мог снабжать не только ближайшую округу, но и далекую периферию — печенегов и даже Малую Азию (Заморье, как ее называет А. Л. Якобсон⁴). «Херсонесские ремеслен-

⁴ Термин вряд ли уместный. Для греков и византийцев Заморьем, или отдаленным краем (Περσική), была как раз Таврика, а для херсонитов, напротив, Малая Азия не казалась далекой.

ники, говорит автор, утратив связи с Малой Азией и столицей, утратили наиболее важный для них рынок сбыта», а между тем утрачивать ремесленникам было нечего, как справедливо показывает автор в главе о ремесле и в заключении, так как ремесло никогда не было сколько-нибудь значительно развито в Херсоне — ни в V — начале VII в., ни в IX—X вв. В другом месте говорится, что херсонцы продавали печенегам *ткани, в том числе местного изготовления* (курсив наш. — М. Т.), а в главе о ремесле ни единым словом не упоминается о сколько-нибудь развитом ткачестве, умалчивается даже о находках пряслиц, которые явно свидетельствуют о наличии прядения, правда, домашнего. Тут же указывается (в отношении ранней поры) на снабжение окрестных земледельческих племен изделиями металлообрабатывающего ремесла, в том числе и сельскохозяйственными орудиями. В главе же о ремесле отмечается, что до сих пор не обнаружено ни одной мастерской, ни одной кузницы (хотя последних, разумеется, не могло не быть), и даже опускаются сведения о находках орудий кузнеца. Лишь походя упоминаются находки (правда, число их не указывается) сельскохозяйственных орудий — сошников, серпов, жерновов. О каком же снабжении этими орудиями может идти речь при таком положении?

Второе, что также косвенно подтверждает неправильность вынесения исторического очерка «вперед», это, как уже отмечалось, те обязательства, которые взял на себя автор (хотел он того или нет) и потом их не выполнил — или потому, что не смог из-за отсутствия достаточного материала, или потому, что не успел или не захотел. Вот почему нельзя вполне согласиться с автором, что он «всегда всматривался в народную жизнь города, в основном в вещественный материал». Некоторые группы материалов (ранняя бытовая керамика V—начала VII в. и крупная тара — пифосы того же времени, сельскохозяйственные орудия, домашнее производство, кроме рыболовческого промысла, монетное дело, стеклоделие, художественная кость) почему-то ускользнули от внимания автора, причем, повторяем, именно те, наличие которых он признает и отмечает в историческом очерке, тем самым принимая на себя обязательство рассказать о них читателю.

Особенно ясно это видно в отношении этнического состава населения Херсона. Обязавшись его показать, автор от этого, по существу, уклонился. Разбросанные в отдельных местах книги указания на этнический состав населения Херсона (стр. 5, 17, 21, 24, 25, 52, 258, 281, 360, 361) все же недостаточно четки, а подчас и противоречивы. То говорится просто о коренном населении города, которое «варваризовалось» (стр. 17), то о его «огреченности и византизированнойности» (стр. 24), то о том, что «заметный элемент в городе (V—начала VII в.) составляло сармато-аланское население, в той или иной степени огреченное» (стр. 258), то «этнически город (в VI в.) продолжал оставаться полуварварским» (стр. 360). Лишь в одном случае автор отчетливо говорит о том, что «этническая пестрота вообще характерна для Херсона во все времена его жизни, особенно же в IX—X вв.» (стр. 52), и далее, в следующем абзаце (стр. 58) указывает, что основное население — *греческое* (курсив наш. — М. Т.), «помимо которого здесь несомненно жили и аланы».

Все эти замечания не дают ясного и четкого представления о том, каково же было население города (да и не могут дать, если не попробовать детальнее разобраться в материалах некрополя и более пристально присмотреться к бытовой керамике и к некоторым другим материалам, прежде всего к украшениям). Признавая (стр. 258), что вопрос об этническом составе населения требовал специального рассмотрения не только в связи с некрополем, автор к нему не обратился. Сделать же это было тем более

необходимо, что в советской исторической литературе высказывались самые различные мнения по этому вопросу, в частности, и то, что часть постоянного населения Таврики (в том числе и в Херсоне) составляют славяне, а затем русские (Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, А. П. Смирнов, Б. А. Рыбаков, А. Н. Насонов и др.). Правда, эта точка зрения встречала возражения (М. А. Тиханова, М. В. Левченко и др.), но автору большого подытоживающего труда, специально посвященного истории Херсона и Юго-Западной Таврики, нельзя было обойти молчанием этот важнейший вопрос и не высказать своей точки зрения.

Вернемся, однако, к конструкции тома. Не вполне оправданной является и последовательность глав, тем более что хронологический принцип все равно не выдерживается: главы VI (Жилые кварталы) и VII (Ремесло) в начальных своих частях касаются раннесредневекового материала, главы же II (Монументальная архитектура) и V (Некрополь) «заходят» в поздний период. Перестановка их не нарушила бы временного принципа, в смысловом же отношении была бы более оправданной и придавала бы бóльшую стройность архитектонике исследования. Что касается внутреннего их построения, то мы коснемся его при рассмотрении отдельных глав, к которому и переходим, в той последовательности, в какой они излагаются автором. Естественно, что как археолог я остановлюсь на основных археологических главах, ограничившись в конце лишь некоторыми дополнительными замечаниями по историческому очерку.

Главу II (Крепостные стены) автор совершенно правильно начинает с рассмотрения техники кладки, различия в характере и приемах которой дают ему возможность и основание с большей точностью и вполне аргументированно определить время постройки и перестройки крепостных сооружений Херсона и прийти к выводу о двух (точнее, трех) строительных периодах в раннесредневековом Херсоне при Зиноне (474—491) — «кордонная кладка», в начале VI в. и при Юстиниане (527—565) — «квадровая», когда была воссоздана и завершена вся оборонительная система Херсона, в том числе и цитадель. Автор последовательно прослеживает участок за участком оборонительные сооружения (куртины и башни) Херсона, устанавливая с полной убедительностью дату строительства или перестройки каждого отдельного участка. Дополнительно им рассматривается и византийское крепостное строительство в юго-западном нагорье Таврики (Эски-Кермен — с уточнением датировки последнего VI в. против предложенного Н. И. Решниковым V в., Мангуп, Кучук-Сюрень, Чуфут-Кале, в котором автор продолжает видеть древние Фуллы, несмотря на нерешенность вопроса о локализации последних; следы крепостного строительства в VI в. в Каламите, обнаруженные Е. В. Веймарном). Отметим, что в данной главе, где основные положения и выводы не вызывают сомнений, не ставится вопрос о том, кто же был реальным исполнителем этого проводившегося Византией военного строительства. Смущает лишь утверждение А. Л. Якобсона, что «наличие кордонной кладки в крепостных стенах Херсона может указывать на устойчивость местных ремесленных навыков каменщиков», — оно все же малоубедительно.

Глава III (Монументальная архитектура), являющаяся одной из центральных, если не центральной, в исследовании, столь же полно, как и предыдущая, иллюстрирована планами и фотографиями отдельных объектов и их деталей. Открывается она анализом декоративных мраморов, за которым следует изучение собственно архитектурных памятников — их отдельных групп.

Вынесение в начало главы анализа декоративных мраморов вполне оправдано. Автор ограничивается, по существу, исследованием лишь

наиболее массового материала — капителей (их известно около 200). Другие декоративные элементы — части алтарных преград, куски амвонов — лишь упоминаются, что вполне объяснимо: они стандартны и к тому же почти не сохранились. Капители же рассматриваются детально, с подробным описанием по группам, начиная с самых ранних, так называемых феодосианских капителей V в. При этом очень подробно, почти исчерпывающе, привлекаются многочисленные аналогии из всего византийского мира и даются твердо обоснованные датировки. Все капители составляют одну цельную группу конца V—VI в. и являются изделиями широко известных императорских проконнесских мастерских (в Мраморном море, недалеко от Константинополя). Здесь в массовом количестве заготовлялись и барабаны колонн, и базы последних, а также все другие архитектурные детали из мрамора и развозились отсюда во все концы византийского мира. Подробный анализ столь точно датированных декоративных мраморов позволяет А. Л. Якобсону опираться на них при датировках памятников храмовой архитектуры раннесредневекового Херсона. Анализу последних посвящен следующий, основной раздел главы. Детально рассматриваются все памятники, образующие, как убедительно показывает автор, три численно неравновеликие группы — большие трехнефные базилики (в Херсоне их насчитывается 28 и 4 за его пределами — в нагорье, на южном побережье Таврики и в Тиритаке), крестообразные храмы-мемории (5) и одна крещальня Уваровской базилики — центральной композиции; все они датируются концом V—VI, некоторые — самым началом VII в. Каждый памятник рассматривается отдельно с подробным описанием его архитектурной композиции, форм и обоснованием датировки. Как и в отношении капителей, в данном разделе широко и полно привлекаются многочисленные аналогии и убедительно показывается тесная связь архитектурной композиции и форм не со столичным, константинопольским зодчеством, а с архитектурой Малой Азии. Мало вероятным представляется лишь постоянно высказываемое и повторяемое в настоящей работе утверждение автора, что строителями херсонских храмов были местные артели вольнонаемных каменщиков. Основание для него он видит в сочетании приемов столичной строительной техники (чередование в кладке слоев камня и кирпича) с явно выраженными малоазийскими формами. Думается, что однородность, повторяемость, если можно так выразиться, стандартность композиции, плана, строительных приемов и массовость самых памятников с их богатейшим мраморным убранством (некоторые дополнительно украшены великолепными мозаичными полами) заставляет полагать обратное — считать их строителями именно пришлых мастеров, не отвергая, однако, мысли о возможности использования и местных каменщиков, но только в качестве подсобной рабочей силы.

Глава заканчивается разделом, посвященным памятникам IX—X вв. новой формы — крестовокупольным храмам, приходящим на смену ранней базиликальной композиции.

Высоко оценивая данную главу, не можем не сделать нескольких замечаний. Возражение чисто методического порядка вызывает прием датировки крестообразного храма № 19 (так называемый храм с ковчегом). Автор устанавливает время его постройки по широко известному в литературе и точно датированному ковчезцу юстиниановского времени, который был найден заложенным в гробничке под полом в алтарной части храма. А. Л. Якобсон считает постройку храма абсолютно синхронной с ковчезцем. Такой способ датировки малоубедителен. Дата ковчезца может служить только *terminus post quem*, временное расхождение даже

в столетие вполне возможно. Время постройки храма нужно обосновывать его композицией и техникой и лишь в качестве дополнительного аргумента приводить серебряную мощехранительнуюницу. В обратной последовательности следовало устанавливать дату и второго крестообразного херсонского храма, так называемого загородного, — не от монетных находок в склепах под зданием (самая поздняя — Льва I) и в водоеме дьяконика (самая поздняя — Юстиниана I), в чем А. Л. Яковсон следует за К. К. Косцюшко-Валюжиничем, на которого он и ссылается, а опираясь на всю совокупность данных — архитектурную композицию храма-мемория, его мозаичный пол, строительную технику и, наконец, на монетные находки. Между прочим, обоснование датировки загородного храма значительно отчетливее в главе о мозаичных полах (стр. 240). Чувство неудовлетворенности вызывает и то, как сформулированы возражения против недавно выдвинутых попыток передатировки херсонских архитектурных памятников раннего средневековья — с V—VI вв. на X в. (О. И. Домбровский). Следовало отвести эти попытки не только в отношении загородного храма, как это делает А. Л. Яковсон, но и храма с ковчегом, Уваровской базилики и базилики, открытой в 1935 г.; иначе может сложиться впечатление, что автор не располагает достаточными аргументами против соображений, выдвинутых противниками ранних датировок.

Композиционно представляется малооправданным рассмотрение в данной главе поздней группы архитектурных памятников (IX—X вв.), тем более, что этот весьма небольшого объема раздел начинается с характеристики исторической обстановки нового периода и рассмотрения внехерсонских храмов VIII в. — базилик Партенита и Телсеня. Нарушается хронологический принцип, отсекаются ранние архитектурные комплексы — от них отрывается их мозаичное убранство, неразрывно с ними связанное. К тому же, если затрагивать в этой главе новый исторический период, нужно было не только показать характерный для него тип крестово-купольного здания, но также доживание в Херсоне и перестройку ранних трехнефных базилик, что широко практиковалось здесь в X в. К сожалению, и в этой главе, как и в предыдущей, совершенно не затронут вопрос об «инструментарии». Между тем в Херсоне находили орудия каменщиков — железные кирки для добывания камня и зубатки.

Большой удачей А. Л. Яковсона является глава IV (Мозаичные полы). Она относительно кратка; это определяется, как указывает автор, тем, что подготовляется специальное исследование мозаичных полов Херсона основным противником А. Л. Яковсона в вопросе о датировке ранних архитектурных комплексов — О. И. Домбровским. Тем не менее глава эта, посвященная замечательным произведениям византийского искусства конца V и главным образом VI в. — датировки автора вполне убедительны, — насыщена сравнительным материалом и дает тонкий иконографический и стилистический анализ памятников, подмечает в них то новое, что при сохранении античных традиций характеризует раннесредневековые мозаики: отход от живописности, геометризация, схематизация композиции и разрывывание христианской символики. Все это вводит, как правильно указывает автор, херсонские мозаичные полы в широкий круг собственно византийских мозаик V—VI вв. Греции, Македонии, Фракии и Малой Азии. Одно маленькое замечание: почему-то осталась нераскрытой надпись (сохранился только правый ее конец) на мозаичном полу юго-западного центрального нефа базилики 1889 г. («базилика в базилике») — рис. 119 и 120. А. Л. Яковсон не коснулся даже ее палеографии, что могло бы только подкрепить его датировку мозаичного пола.

Значительно слабее глава V (Некрополь). Если в предыдущих главах автор выступал во всеоружии профессионального мастера и тонкого наблюдения (к тому же материал, которым он в них оперировал, несравнимо богаче и выразительнее), то в настоящей главе автор чувствует себя гораздо менее уверенно. По существу эта глава должна была явиться основной для решения вопроса о социальном и этническом составе населения Херсона, а также значительно помочь раскрытию ремесла и торговли. Между тем, в связи с состоянием материала (депортация находок), а также, без сомнения, в силу меньшей проработанности автором материала, он вынужден был крайне сузить задачу исследования — ограничиться рассмотрением топографии некрополя, типов погребальных сооружений, погребального обряда и погребального инвентаря. Но и эти задачи выполнены не в полном объеме. Глава содержит лишь некоторые наблюдения, правда, интересные, над топографией раннесредневекового некрополя, краткий и внешний обзор основных типов погребальных сооружений и погребального обряда, описание нескольких погребальных комплексов и некоторых групп личного убора погребенных (фибулы, пряжки, единичные образцы поясных наборов).

Казалось бы вполне убедительно устанавливаемое автором сокращение площади раннесредневекового некрополя (рис. 131), сосредоточившегося в основном у загородного храма и к югу от цитадели (на небольшом участке на берегу Карантинной бухты) и наслонившегося здесь на некрополь римского времени — первых веков н. э. Между тем некоторые из рассматриваемых автором склепов с раннесредневековыми захоронениями располагаются вне этой территории — у западной стены Херсона (склеп № 14, раскопки 1914 г.), в углу бывшего монастырского двора (склеп № А, раскопки 1909 г.), в базилике 1932 г., — что несколько колеблет утверждение автора.

Далее показывается, что основными типами погребальных сооружений раннего средневековья являются склепы, используемые главным образом вторично и относительно немногочисленные [и тех и других всего 33 или 34 (?)], построенные в конце V, быть может, в VI в., а также вырубленные в скале гробницы. Для позднего времени (вторая половина IX—X в.) это, в основном, грунтовые могилы в насыпи (для индивидуальных захоронений) и те же склепы, но используемые уже в качестве братских могил-костниц.

Погребальный обряд описывается в общем виде, без попытки сделать из него выводы об этническом составе погребенных, хотя сам обряд уже дает в этом отношении некоторые данные, в частности формы и особенности гробовищ, в которых совершалось погребение, и тот инвентарь, который сопровождал погребения, в том числе керамика (последнюю А. Л. Якобсон обходит молчанием вовсе). Погребальные комплексы в склепах, к сожалению, описываются выборочно, только наиболее выразительные: из 33 склепов — лишь четыре; относительно четырех других указывается, что они примерно такие же. Между тем именно ввиду плохого состояния вещественного материала и его неизученности нужно было дать их максимально полно. В частности, непонятно, почему комплексы из раскопок Р. Х. Лепера, дневники которого, содержащие инвентарные номера, хранятся в Херсонесском музее, нельзя восстановить, на том будто бы основании, что «лучшие вещи отправлялись в Эрмитаж». Нужно, очевидно, было объединить и те и другие и именно потому, что дневники не опубликованы, полностью опубликовать комплексы, относящиеся к рассматриваемому периоду, в настоящей работе. Кстати, один из таких комплексов и приводится (вышеупомянутый склеп № 14).

Вещевой инвентарь от самих погребальных комплексов огорван. Последнее было бы оправдано, если бы все погребения были подробно описаны, т. е. был бы приведен весь сопровождающий захоронения инвентарь, а затем была бы дана характеристика его отдельных групп. Между тем этого нет. В последнем же разделе рассматриваются только предметы раннесредневекового личного убора, разбирается несколько неразобщенных комплексов (как уже говорилось, их могло быть, видимо, и больше).

Не имея возможности подробно остановиться на всех деталях данного раздела (это потребовало бы специального рассмотрения и аргументации возражений по каждой группе погребального инвентаря), ограничимся лишь несколькими замечаниями. Вызывают сомнения и возражения некоторые датировки. Так, среди приведенных на рис. 135 пряжек есть и безусловно более ранние (III—IV вв.), так же как на рис. 141 есть и значительно более поздние. Комплекс на рис. 134 вернее датировать V в., а не V—VI вв. Выводы, к которым приходит автор, в итоге своих наблюдений над погребальным инвентарем, безусловно, интересны, но требуют еще дальнейшего исследования и подтверждения. Сомнение вызывает утверждение насчет венгерского происхождения (правильнее было бы сказать, среднедунайского, так как Венгрия в это время еще не существовала) одного из типов пряжек, в чем автор следует за Г. Дэвидсон. Вряд ли стоит ссылаться на авторитет Хампеля — его датировки уже давно подверглись пересмотру. В главе много повторений, излишних общеисторических замечаний, что, впрочем, наблюдается и в других главах; часто они совершенно излишни.

Глава VI (Жилые комплексы). Несомненной и большой заслугой А. Л. Якобсона является то, что ему удалось, располагая крайне скудными, обрывочными материалами — ничтожными остатками жилищ, разрушенных в последующее время (камень брали и в IX—X вв., и в XI—XII вв.), расчленил строительство V—X вв. и выделить в нем следы раннесредневековых построек в прибрежной части города, в пределах небольшого квартала.

Рассмотрение этих остатков показывает значительные изменения в планировке города в конце V и в VI вв., частичную нивелировку с засышкой некоторых колодцев, а также отчетливый перерыв в строительстве с середины VII до второй половины IX в. Восстановить планировку хотя бы одного раннесредневекового жилого комплекса не удалось. Иное положение для периода IX—X вв., в отношении которого автор смог с полной убедительностью установить преобладание в планировке кварталов, выявить тенденцию к уменьшению последних, связанную, очевидно, с большей заселенностью, выделить несколько жилых комплексов городских усадеб, определить их план, по существу близкий к античному (с двором и кладовыми), строительную технику и декоративные приемы (применение узорчатой выкладки, украшавшей стены).

Если для позднего периода в жизни Херсона (XII—XIII вв.) А. Л. Якобсон смог показать разницу во внешнем облике и социальном содержании двух районов города — северо-восточного и прибрежного (северного), то не только для раннесредневекового, но и для Херсона IX—X вв. этого сделать было невозможно. И в этом, разумеется, не вина автора — слишком обрывочен и даже ничтожен материал, чтобы можно было дать сколько-нибудь выразительную картину. То, что извлек автор из материала, уже очень много, и сделать он это мог только потому, что пользовался материалами раскопок последних лет, в которых сам принимал непосредственное участие. Досадным пропуском является лишь то, что обойдены вопросы

городского водоснабжения. Колодцы, сооружение которых относится к римскому, а иногда и к эллинистическому времени, частично продолжали действовать и использовались и в раннесредневековом городе, и даже в IX—X вв. Ничего не сказано и о водопроводе.

Глава VII (Ремесло), которая в отношении всякого средневекового города должна была бы быть центральной, в соответствии с ролью ремесла в жизни Херсона очень невелика и относительно бедна содержанием. Правда, она несколько обеднена еще и потому, что автор не полностью использовал материал. Так, рассматривая гончарное производство — наиболее массовый материал как для раннесредневекового периода, так и для IX—X вв., — автор почему-то ограничивается двумя группами раннего периода — амфорная тара и строительная черепица, — исследованиями которых А. Л. Якобсон занимается много лет и является признанным специалистом в этой области. Не затрагивает он и бытовой керамики V—начала VII в; об отдельных ее образцах сам автор упоминал в своих отчетах о раскопках в Херсонесе (см., напр.: МИА, № 34, стр. 204). Не касается он и груш, правда, немногочисленной, краснолаковых блюд с рельефными крестами, технологически продолжающей старую позднеантичную традицию. Умалчивает А. Л. Якобсон и о ранних пифосах и светильниках.

Новым и существенным дополнением, особенно важным для решения вопроса о роли раннесредневекового импорта в глубинные районы лесостепи (если таковой был, в чем мы решительно сомневаемся, но что утверждается некоторыми исследователями), является мысль автора о том, что многообразие и неустойчивость форм раннесредневековых амфор, весьма малочисленных, говорит о том, что они не являются изделиями местных гончаров, но импортированы.

Что же касается гончарного производства IX—X вв., то в этом разделе А. Л. Якобсон на более развернутом материале повторяет в основном то, что развивалось им в его предыдущих работах, за исключением некоторых (но весьма существенных) деталей о гончарном производстве Херсона, его амфорной таре, бытовой керамике (кувшины с плоскими ручками, горшки) и черепице (с дополнениями в отношении последней).

Второй раздел главы — металлообрабатывающее ремесло IX—X вв. — чрезвычайно скромен. Это небольшой этюд, посвященный в основном производству свинцовых колец для рыболовных сетей и нескольким формочкам для отливки колец и крестиков, дополненный беглым перечнем находимых в Херсоне металлических изделий — предметов домашнего обихода, в который зачисляются и сельскохозяйственные орудия. Поскольку, как справедливо полагает автор, свинцовые кольца для сетей изготовлялись самими рыбаками, то и эту отрасль металлообработки (как домашнее производство) вряд ли правомерно включать в раздел «ремесло». Но, думается, А. Л. Якобсон напрасно так ограничивает свой материал. В этом разделе должно было быть рассмотрено дополнительно монетное дело, игравшее немалую роль в жизни Херсона в определенные периоды: чеканка бронзовой монеты, при этом одного номинала, при Зиновье, Юстиниане I и Маврикии и литье бронзовой, а иногда и свинцовой монеты со второй половины IX в. (начиная с Михаила III и Василия I) и до начала XI в. (до 1025 г.)⁵. Выпало полностью и стеклоделие, хотя автор в одной из своих последних статей признает, что некоторые из стеклянных браслетов относятся (по условиям находки) еще к IX—X вв.⁶,

⁵ В тексте автор не всегда точен в определении материала, техники изготовления монет и времени выпуска (например стр. 301, 306).

⁶ А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсонеса. Херсонесский сборник, вып. V, 1959, стр. 243.

к тому же были произведены химические анализы некоторых из них⁷, что позволяет сделать некоторые выводы об их производстве. Возможно, они были привозными, но обо всем этом нужно было сказать. Отсутствуют и пряслица, глиняные и шиферные, также относящиеся к IX—X вв., что должно было весьма заинтересовать археологов, занимающихся Древней Русью, особенно если было бы установлено, откуда брался тот шифер, из которого выделялись херсонские пряслица. Нельзя было пройти и мимо вопроса о судостроении, хотя отчетливых данных, кроме находок железных и каменных якорей и кучи вара (или смолы) во дворе одного из домов в Херсоне, пока не найдено. Однако Г. Д. Белов считает возможным, что вар этот употреблялся для заливки швов судов. Если с таким предположением автор не согласен, он должен был возразить. Нельзя забывать, что Херсон нес судовую повинность, и предполагать здесь постройку судов вполне возможно; вопрос в том, кто же были судостроители.

Слишком обеднен и состав сельскохозяйственных орудий, а главное, не сказано, какова численность находок сошников, мотыг, серпов, папок, жерновов. Не упомянуты вовсе находки подков для волов, которых, очевидно, использовали в качестве тягловой силы⁸. Не поставлен, наконец, и вопрос о сырье, из которого изготовлялась посуда и строительная керамика, — где добывалась необходимая глина, а также железная руда и медь. О шифере уже говорилось выше. Автор указывает источники сырья только относительно свинцовых изделий — его привозили из рудников Малой Азии.

Последнюю главу вряд ли правильно называть «Художественная культура»: название не отвечает ее содержанию. Напомним, что в ранее опубликованном труде «Позднесредневековый Херсонес» неоднократно говорилось о веками слагавшейся в Херсоне художественной культуре, о ее длительных местных традициях. Казалось бы, в настоящем томе и должны были быть раскрыты эти традиции, показано складывание местной художественной культуры. Но выступает только одно слагаемое — белоглиняная поливная керамика IX—X вв.⁹, к тому же, как показывает автор, привозная — продукция столичных керамических мастерских. Она в лучшем случае может свидетельствовать о тяготении населения к определенным видам и сюжетам художественных изделий, но никак не раскрывать облика местной художественной культуры и ее содержания. Но если отвлечься от заглавия и того содержания, которое хотел вложить в эту главу автор, то как специальное исследование о белоглиняной поливной керамике оно сделано мастерски и представляет большой интерес и ценность для специалиста. Собран весь материал (за исключением образцов, хранящихся в Одесском музее), проанализированы техника производства и происхождение керамики с рельефными украшениями, дана ее классификация, технологическая и сюжетная, и полная публикация в виде подробного каталога, притом комментированного, с привлечением аналогий и воспроизведением почти всех (кроме восьми) экземпляров.

В главу включено исследование двух каменных рельефов с изображением барсов (или пантер), в которых автор видит проявление народного искусства Херсона, с чем трудно согласиться, равно как и с тем, что образ антропоморфного грифона связан с массой городского населения Херсона.

⁷ М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, стр. 208.

⁸ Отсутствуют сведения и о скотоводстве, хотя находки костей животных — крупного рогатого скота, овец, коз и свиней — многочисленны. Мясо занимало, видимо, заметное место в пище населения Херсона.

⁹ Остается опущенной и художественная резная кость, правда, также привозная.

Несколько дополнительных замечаний по работе в целом. В рассматриваемом труде А. Л. Якобсона не получило, к сожалению, отражения новая его точка зрения на время гибели Херсона как города, — не конец XIV в., как он утверждал это раньше, а конец XIII в. — время разгрома крупных поселений Юго-Западной Таврики полчищами Ногай¹⁰. Поэтому в ряде мест автор продолжает говорить о жизни Херсона в XIV в., в частности о его керамических комплексах, в том числе и тогда, когда он развивает свою аргументацию против предложенной О. И. Домбровским передатировки крестообразного храма (стр. 206—207).

В историческом очерке, помимо уже указанных выше, есть и еще ряд неточностей и погрешностей. Отметим из них лишь некоторые. Время вторжения «варваров» (готов, ворадов и др.) — не III в., а середина III в. (стр. 5). Гунны захватили Боспор не в IV в., а не ранее 70-х годов IV в. (там же). Так называемый полихромный стиль выработался в греко-сарматской среде не в IV—V вв., а раньше (там же). Нельзя говорить о складывании в середине IV в. в Западном Черноморье и на Балканском полуострове многоплеменного готского союза (стр. 19). Неверно также, что Ольвия и другие поселения Северного Причерноморья прекратили свое существование в конце IV—начале V в. Такое утверждение объясняется ссылкой на устарелую литературу (Гошкевич) (стр. 19—20, сноска). Непонятно, что хотел сказать автор, утверждая, что процесс заселения готами Юго-Западного нагорного Крыма начался задолго до Зинона, еще во второй половине III в., а к концу V в. он завершился. Остается неясным, почему, комментируя письмо папы Мартина, в котором идет речь о приобретении трех или четырех модиев хлеба (зерна), А. Л. Якобсон предполагает, что имеется в виду малый римско-италийский модий в 6,528 кг, а не большой модий-сатон в 9,792 кг, распространенный в Армении и Понте (стр. 31). На стр. 361 в заключении автор впадает в противоречие, допуская при этом явную ошибку. Сначала он говорит, что сельскохозяйственные продукты из соседних земледельческих районов, в том числе и продовольствие, «надо думать, вывозилось и за море», а несколькими абзацами ниже утверждает (правильно), что Херсон, как и раньше, ввозил продовольствие из северных областей Малой Азии. Вряд ли можно согласиться с тем, что автор истолковывает выпуск собственной херсонской медной монеты как показатель интенсивной торговли. Несколько ближе к истине он тогда, когда говорит, что «монета эта была рассчитана преимущественно на местный рынок и обслуживала торговый обмен Херсона и соседних земледельческих районов» (стр. 360 и 361). В действительности, надо думать, она была рассчитана исключительно на местный «рынок» и, вероятно, не случайно годы ее выпуска совпадают с годами интенсивнейшего строительства крепостных и культурных сооружений в раннесредневековом Херсоне¹¹.

В разделе о позднем периоде — русско-хазарско-печенежские отношения — если уже затрагивать сложный вопрос о Руси, происхождении названия Рос—Рус, Азовско-Черноморской Руси, острове Руссов и т. д., нужно было привлечь новейшую литературу, которую автор почему-то совершенно не затрагивает, ограничиваясь, в основном, работами не позже конца 40-х годов.

¹⁰ А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсонеса, стр. 232—233.

¹¹ Ср. близкую, хотя отнюдь не тождественную, чеканку медных монет во второй половине IV—V вв. в Сучидаве. D. T u d o r. Sucidava, III. Dacia, t. XI—XII, 1945—1947, p. 145 sqq.

Есть в работе и мелкие ошибки, как, например, «Хазарский правитель в Сугдее с христианским именем Юрия» (Георгия. — *М. Т.*) (стр. 36); укрепление Алушта (стр. 24); иерусалимский патриарх Ерман (Эрмон. — *М. Т.*) (стр. 27); даты правления Константина I—324—337 (вместо 306—337).

Резюмируя все изложенное, необходимо признать, что, несмотря на ряд недостатков, известную неполноту исследования и неравноценность отдельных его частей, книга А. Л. Якобсона «Раннесредневековый Херсонес» — результат большого и квалифицированного труда археолога-византиниста. Она явится ценным вкладом в советскую историческую науку и найдет широкий отклик и признание как в нашей стране, так и за ее рубежами.

М. А. Тиханова

**ДВЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ X ВЕКА.
„ПСАМАФИЙСКАЯ ХРОНИКА“.
ИОАНН КАМЕНИАТА. ВЗЯТИЕ ФЕССАЛОНИКИ.**

Изд-во восточной литературы, М., 1959

Благодаря географическому положению и большим международным связям Византии, в трудах византийских историков и хронистов, как правило, содержатся сведения по истории не только самой Византии, но и многих соседних стран. Поэтому каждая новая книга серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», содержащая переводы византийских писателей, доставляет весьма ценный материал не только византинистам, но и широкому кругу советских востоковедов, славистов и специалистов по средневековой истории стран Западной Европы. Это особенно относится к изданиям малоиспользованных в научной литературе текстов, не переведившихся ранее на новые языки. К числу таких изданий принадлежат «Две византийские хроники», выпущенные в 1959 г. Издательством восточной литературы. Переводы текстов анонимной «Псамафийской хроники» и «Взятия Фессалоники» Иоанна Камениаты сопровождаются вступительными статьями, обширными комментариями и небольшим исследованием, посвященным художественным особенностям произведения Камениаты.

Жизнеописание патриарха Евфимия, составленное неизвестным монахом Псамафийского монастыря, существенно дополняет наши сведения о событиях конца IX—начала X в.; своей подробностью и последовательностью изложения оно выгодно отличается от ряда других источников того времени (произведения Симеона Логофета, Арефы Кесарийского, Николая Мистика и др.). Автор жизнеописания хорошо знал Евфимия и был очевидцем многих из описанных им событий; в его распоряжении находились, по-видимому, и письменные источники. Характерна точность, с которой он употребляет термины, относящиеся к государственному управлению, имущественным отношениям. Многие его данные подтверждаются свидетельствами других источников, и это укрепляет доверие к тем сведениям, которые пока не находят себе таких параллелей. Следует, наконец, отметить и литературные достоинства этого памятника — его язык, стиль. Некоторыми своими особенностями жизнеописание Евфимия перекликается с образцами литературы той поры (например, с житием патриарха Игнатия), также не чуждавшейся историзма и бытовых тем. В то же время, как справедливо отмечалось исследователями (К. де Боор, Х. Лопарев,